Ce livre est édité avec le concours du Ministère des affaires étrangères de France, de l'Ambassade de France à Moscou et Fondation «Goodbooks», Guernesey.

ALAIN BESANÇON

LES ORIGINES INTELLECTUELLES DU LENINSME

Это издание осуществлено при поддержке Министерства иностранных дел Франции, французского посольства в Москве и Фонда «Goodbooks», Guernesey.

АЛЕН БЕЗАНСОН

интеллектуальные истоки **ЛЕНИНИЗМА**

CALMANN-LÉVY 1987

Издательство «МИК» Москва 1998

УДК 141.824/827 ББК 87.3(2)6 Б 39

Безансон А.

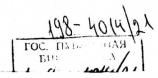
Б 39 Интеллектуальные истоки ленинизма / Перевод с французского М. Розанова, Н. Рудницкой и А. Руткевича (главы II и III). — М.: Издательство «МИК», 1998. — 304 с. ISBN 5-87902-029-0

В книге рассматривается процесс возникновения идеологии ленинизма. Определяются его корни — от французских якобинцев, левых гегельянцев, Маркса, славянофилов, Герцена, Чернышевского — до Нечаева и Ткачева, народовольцев и марксистов, Бернштейна и Плеханова. Автор обращается и к той реальности, в которую ленинизм воплотился — то есть к семидесятилетнему периоду нашей истории. Для русского читателя содержание книги представляет далеко не академический интерес.

Don Streransta

ISBN 5-87902-029-0

- © Безансон Ален
- © Издательство «МИК», 1998
- © Перевод с французского М. Розанова, Н. Рудницкой и А. Руткевича
- © Оформление Дизайн-Бюро 20•9

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Чтобы разобраться в истории социал-демократии, запутанной пристальным шестидесятилетним вниманием историков всех стран, хорошей путеводной нитью может служить карьера Плеханова. Вместе с Аксельродом он по полному праву может быть назван первым безусловным марксистом в России. В то время как народничество, пронизанное марксизмом, пыталось к нему приспособиться, Плеханов своему приобщению к марксизму придал характер разрыва с народничеством. Формально он был создателем социал-демократии. Его долгая связь с Лениным, союзником в кризисе ревизионизма, говорившим, что он «влюблен в Плеханова», придала их частичному разрыву большой резонанс. Наконец, у Плеханова было время спокойно и серьезно поразмыслить над социальной историей России и практически прийти к позициям, которые можно было бы назвать, по крайней мере в академической тиши, криптолиберальными.

В предисловии к своей первой марксистской книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов заявил: «Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему».

В 1883 году это звучало как недвусмысленный отказ от терроризма с диктаторскими замашками «Народной воли». Детч, создавший вместе с ним раскольническую группу «Освобождение труда», сознательно желал звания социал-демократа, поскольку, как он говорил, «во всем цивилизованном мире название социализм связано с конкретной партией, миролюбивой и парламентской, чья деятельность характеризуется почти полным исключением любых революционных методов».²

Социал-демократия означает умеренность. При «социалистической» диктатуре народ, по словам Плеханова, сможет лишь созерцать медленную деградацию экономического равенства, а если он захочет взять в

² F. Walicki, 1969, crp. 154.

¹ Г. Плеханов, 1956, т. 1, стр. 51, М.

свои руки организацию производства, то не сможет этого сделать из-за своих привычек и низкого уровня развития. «...Или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских «Сынов Солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

Таким образом, никакой комитет, никакой исполнительный орган не вправе представлять или подменять собой рабочий класс. Задача рабочего класса – завершить европеизацию России, завершить дело, начатое Петром Великим. Коротких путей к тому нет. Попытка сократить путь приведет к регрессии. Долгий путь - это путь Запада, капитализма. Возможно, он и не так долог, как в Европе, поскольку в России классовое сознание воспользуется западными завоеваниями. В этом вопросе Плеханов расходится с тред-юнионизмом. Искренность его практического народничества отделяет его от предающего самого себя народничества террористического. Тем не менее, он не намерен позволять народу импровизировать и придумывать новые пути. Все пути известны заранее. Марксизм открыл Плеханову планы истории. И он доверяет массам, как то предписывает марксизм, осуществление этих планов. В этом двойственность Плеханова. Он глубоко верит в то, что нужно позволить свершаться вещам и действовать людям, что естественные средства лучше искусственных. Тем самым он склоняется к либерализму, тред-юнионизму и недогматической социал-демократии. Но с другой стороны, он приемлет это попустительство лишь поскольку абсолютно уверен, что оно послушно позитивным законам, раз и навсегда установленным Марксом. Он либерал лишь в рамках абсолютного детерминизма, ключи которого находятся у него, и вполне серьезного восприятия марксистской догматики. И во имя буквы марксизма Плеханов последовательно противопоставляет себя народническому терроризму, потом ревизионизму и, наконец, ленинскому большевизму.

У Плеханова есть предтеча, это Белинский. Михайловский проводил параллель между теодицеей русского марксиста и гегелевским примирением Белинского с реальностью. Но после Белинский возмутился. Плеханов, однако, восхваляет в нем именно момент примирения. Белинский превзошел морализм Шиллера и абстрактный рационализм просветителей. Его возмущение было возвратом к утопии, и этот возврат легко объясняется с марксистских позиций: в николаевскую эпоху объективные условия еще не созрели для того, чтобы русское общество породило Плеха-

нова. С одной стороны, Белинский-западник — предок корректного марксизма. Но с другой стороны, он совершил «первородный грех русской интеллигенции». Под тем же углом зрения Плеханов будет позднее обличать субъективизм Ленина.⁴

В политике позиция Плеханова вполне ясная. Он восхваляет революцию в два этапа. Первый этап будет «буржуазно-демократическим», и этим отвергается народнический догмат о безусловной реакционности буржуазии. Капитализм уже существует в России, но его государственная организация носит «феодальный» характер. Буржуазию толкает к либерализму логика «классовых интересов». Потом наступит этап «диктатуры пролетариата». Плеханов понимает ее в духе Маркса, как правление подавляющего большинства населения ничтожным меньшинством эксплуататоров. По его словам, это будет «панархия».

Это можно толковать по-разному. Следует ли считать, что демократия, свобода и примат права являются временными атрибутами первого этапа, или следует признать за ними самостоятельную ценность? Каков будет интервал между двумя этапами? Будет ли пролетариат выступать, как того хотел Аксельрод, как гегемон, начиная с «буржуазно-демократической» стадии? Как в масштабах партии сочетать две цели, «буржуазно-демократическую» и «социалистическую»? В какой степени следует вступать в союз с либералами, а в какой крушить их?

Дело в том, что на рубеже веков в России появилась новинка — социальный и культурный плюрализм, равно как и плюрализм политической жизни, та самая совокупность сосуществующих феноменов, которую вездесущий марксизм, не очень заботясь о соответствии, объединяет под словом «капитализм».

Теперь общество куда разнообразней прежнего двуклассового (дворянство и крестьянство) общества. Культурная жизнь заявляет о себе системой ширящегося общего образования, разнообразной многотиражной прессой, безусловно свободной. Интеллигенция теряет строгие контуры монашеского ордена и потихоньку становится социально-профессиональным слоем без специальной идеологической ориентировки. Народническо-марксистский ширпотреб перестает терроризировать просвещенную публику. А публика, верхние слои во всяком случае, живет по европейскому времени, в ходу спиритизм, эстетизм, иррационализм и новое искусство, и как на Западе, сейчас Новый Век. Наконец, и это самое важное, рождается политическая жизнь на западный манер. Марксисты, рассматривающие модернизацию только как «развитие капитализма», плохо это замечают: класс ка-

³ Г. Плеханов, 1956, т. 1, стр. 58.

⁴ А. Walicki, 1969, стр. 165.

питалистов сильно зависит от государства, общего организатора экономического роста. И поскольку марксисты не верят в самостоятельность политики, они недооценивают либерализацию, считая ее буржуазным феноменом, хотя она и распространяется у них на глазах во всех классах.

Даже в деревне, где сильно влияние народничества эсеров, либерализм торжествует. Его социальная опора — дворянство, представленное в земствах и вместе с ним профессиональная интеллигенция. Либерализм располагает политической сетью, позволяющей ему между 1900 и 1905 годами создать настоящую партию в западном смысле слова. Тогда как социал-демократические партии представляют собой конспиративные группы, созданные для руководства смутой, партия кадетов предназначена для каждодневной нормальной политической борьбы, включающей выборы. Впервые в России организованная политическая партия намечает себе нереволюционные цели, в первый раз оппозиционная партия предлагает улучшить реальное существование, а не заменить его иным.

Более того, два класса, долго бывшие опорой революционных надежд, теперь, при наличии политической жизни, оказались в состоянии выразить свое подлинное умонастроение. Предполагалось, что крестьянство мечтает о бунте. На самом деле административное руководство, сеть местной власти, эффективность полицейского и военного контроля так развились за последнее столетие, что бунт стал в высшей степени маловероятен. Но можно было его опасаться или на него надеяться. Начиная с 1902 года крестьянство приходит в движение, и становится ясно, что оно оставило эсхатологические мечтания о разинщине былых времен. Оно предпочитает постоянное полунасильственное, полумиролюбивое давление на дворянство, вынуждающее его продать еще сохранившиеся в его руках земли. Крестьянство организуется с коммерческой и технической точки зрения в плане экономического либерализма и кооперации. Деревня уже достаточно грамотна для обретения политической ориентации: она поглядывает на кадетов не меньше, чем на эсеров.

То же можно сказать и о рабочем классе. Если не принимать во внимание поляков и латышей, то история рабочего движения действительно начинается с евреев. В 1900 году единственным организованным «рабочим классом», способным следить за рабочими массами и приводить забастовки к победе, располагающим гибкой и демократической организацией, был Союз еврейских рабочих — Бунд. Масса русских рабочих сильно отстала. Она состоит из ядра кадровых мастеровых с высокой профессиональной подготовкой, тонущего в потоке недавно приехавших из деревни. Русские рабочие способны выдвигать свои требования и эффективно на них настаивать. Крупная забастовка 1896 года, проведенная

по чисто рабочей инициативе, выдвинула подлинно рабочего лидера, который поручил студентам-социал-демократам второстепенную роль изготовителей листовок. 5

Тем не менее, коль скоро нарождающееся рабочее движение стремится обрести законность, ему не обойтись без политики, поскольку забастовки запрещены законом. Рабочий класс открывает для себя политику, но политику либеральную. Когда правительственный чиновник Зубатов оказался в силах предложить рабочим форму организации, противоположную подпольной политической партии, они охотно в нее влились. Между 1901 и 1903 годами в России бурно развивалось профсоюзное рабочее движение, возможно, в самом чистом виде, если не считать Бунда. То, что полиция стремилась это движение контролировать, не меняет его подлинной природы. Позднее успех Гапона подтвердит еще раз слабость влияния социал-демократов. Лишь накануне войны рабочий класс начал радикализироваться и, возможно, не в марксистском направлении.

Каким образом марксизм учитывал эти изменения в России? По-прежнему существовал «народнический» марксизм. Воронцов и Даниэльсон. по-прежнему увлеченные аграрным вопросом, настаивали на отрицательных последствиях капитализма. Голод 1891 года, ставший прямой или косвенной причиной гибели полумиллиона людей, по всей видимости, подкреплял «катастрофический» марксизм. Но в это же время зародился марксизм иного рода. Видимо, его вызвал к жизни профессор Киевского университета Зибер, чья диссертация «Давид Рикардо и Карл Маркс», появившаяся в 1885 году, заслужила теплую похвалу самого Маркса. 6 Этот марксизм — экономический детерминизм самый оптимистический. Формы социальной жизни вытекают из естественных законов развития. Они не зависят от человеческого выбора. Естественные этапы, а капитализм относится к таковым, не могут быть ни обойдены, не сокращены. Структура государства подстраивается под социальную базу. Социализм победит без революции, он будет официально введен на неком конгрессе экономически развитых государств.

К этим идеям немедленно присоединился молодой Струве. Его «Критические заметки» (1894 г.) — гимн индустриализации России, которая была предпринята Витте и министерством финансов, гимн во имя объективной науки. Нужно «учиться капитализму»⁷.

«Критические заметки» пользовались большим успехом. Репутация Струве была столь солидной, что ему поручили составление Манифеста

⁵ R. Pipes, 1963, в первую очередь глава VI.

⁶ На листках, которые Маркс успел прочесть перед смертью, A. Walicki, 1969, стр. 166.

⁷ R. Pipes, 1970, стр. 101 и далее.

1-го Конгресса русских социал-демократов (1898). В нем можно прочесть, что первой задачей рабочего класса является борьба за политическую свободу, на что «подлая и слабая русская буржуазия» не способна. Но почему же Струве, в частном порядке говоривший, что гораздо больше заинтересован в свободе, нежели в социализме, оказался в компании социалдемократов, формально по-прежнему революционеров? Потому что в этой же среде пробивали себе дорогу под правоверным прикрытием два других марксизма – экономизм и ревизионизм.

Экономизм? Это не фракция и не система, в лучшем случае - скромная тенденция и сомнения, разделенные несколькими активистами. Если хорошенько поскрести их работы, можно обнаружить два или три течения. ⁸ Короче, экономизм родился из горького опыта забастовок 1896–1897 годов, в ходе которых рабочие вели себя как плохие ученики своих интеллигентных наставников. Пропаганда, то есть преподавание марксизма, сорвалась. Так надо, чтобы социал-демократы, по мысли экономистов, присоединились к либеральной оппозиции, требующей того, в чем Россия нуждается, т.е. конституции, а не революции. Агитация, то есть призыв к забастовкам и требования улучшения жизненных условий, напротив, полностью удалась. Так пусть ею занимаются рабочие, раз их это интересует. Следовательно, нужно срочно распахнуть двери рядов руководящего комитета Союза борьбы за освобождение труда для нескольких трудящихся. Если марксизм прав (в чем экономисты не сомневаются), то рабочие сами в этом убедятся на собственном опыте. Нужно демократизировать партию. И нужно, следовательно, чтобы «старики» в партии уступили свое место.

Этим экономисты вызвали среди «стариков» бурю негодования. Ветераны правоверной теории, они обвинили экономизм во всех грехах, приписав ему, и совершенно напрасно, даже то историческое значение, которого у него не было. И смешали его осуждение с проклятиями в адрес другого направления, вполне реального и значительного в международном плане — с ревизионизмом.

Революция родилась с письма, направленного в октябре 1898 года Эдуардом Бернштейном конгрессу немецких социал-демократов. В этом письме и в последовавшей полемике есть три аспекта. Первый — узко политический. Между тем, что немецкая социал-демократия говорит, и тем, что она делает, ширится разрыв, и явление это нездоровое. «Нужно, чтобы социал-демократия набралась смелости освободиться от фразеологии прошлого и предстать тем, чем она является в реалии: партией демократических и социальных реформ и только»⁹. Лишь уподобившись себе самой, партия станет действенной. Для Бернштейна идеология паразитирует на политике. Затем он переходит к исторической оценке прошлого и настоящего.

«Я только отрицал, что крушение буржуазного общества близко, и сказал, что социал-демократия не должна основывать свою тактику на надеждах на неизбежность катастрофы» 10. Историческое развитие опровергло прогнозы Маркса. Это уже предчувствовал Энгельс в своем за**вешании.** Экономическое положение рабочих не ухудшается. «Бесполезно и абсурдно закрывать глаза на факты». Число собственников растет. В политической области «мы видим, как привилегии капиталистической буржуазии постепенно стираются прогрессом демократических институтов». Рабочее движение успешно противостоит капиталистической эксплуатации. Как же быть с социализмом? Здесь Бернштейн приподнимает завесу над философскими основами ревизионизма.

Во-первых, это возвращение к подлинно научному духу. «Ошибки не становятся священными, потому что в тот или иной момент Маркс и Энгельс их разделяли. Истина нисколько не утрачивает своей ценности, если первым ее установил экономист – антисоциалист или не совсем соииалист. В науке направление не создает привилегий и не подписывает приговоров об изгнании». 11 В «Капитале» есть противоречие. То, что в научном социализме подразумевается под наукой, — это «псалмопение» 12. Лалее следует, говоря политическим языком, предпочтение реформ перед революцией. Социализм не противоположен либерализму, он его венчает. Либерализм как социальный принцип гораздо шире, нежели распространенный ныне «буржуазный либерализм», и завершается он социализмом.

Всеобщее голосование становится тем инструментом, с помощью которого представители народа, бывшие ранее его хозяевами, превращаются в его слуг. Социализм - это не что иное, как «организующий либерализм». 13 Из этого следует, что невозможно представить себе социализм заранее, поскольку он зависит от свободной деятельности социальных сил. Демократия - одновременно и средство, и цель. Демократия - это не агитационный лозунг, не временный этап, но средство для достижения большей демократии. Социализм - не состояние, а вектор, ориентировка, так что бесполезно перескакивать через этапы, поскольку неизвестен ко-

⁸ *J. Кеер*, 1963, стр. 58 и далее.

⁹ К. Papaioannou, 1972, стр. 248. ¹⁰ Е. Bernstein, 1974, стр. 13.

¹¹ К. Рараіоаппоц, 1972, стр. 252.

¹² E. Bernstein, 1974, crp. 222.

¹³ K. Papaioannou, 1974, crp. 247.

нечный пункт. «Именно это я имел в виду, когда писал фразу, под которой подписываюсь и сегодня: движение – все, а то, что обычно именуют конечной целью социализма – ничто». ¹⁴

Если социализм — не что иное, как свободное движение свободно развивающегося общества, классовая борьба — лишь показатель недостатка свободы и демократии.

«Антагонистические интересы классов исчезнут частью в поле экономической конкуренции (включающей в себя и профсоюзную борьбу), частью — и во все более возрастающей мере — в результате изменения законодательства. Из столкновения классовых интересов постепенно выяснится общая заинтересованность, и чем более она будет превалировать, тем демократичнее будет общество». 15

Иной мир Бернштейн отказывается строить. Меняется этот мир, и улучшать нужно его. Таким образом, мир оказывается самоценен. Социализм и его противники взаимосвязаны. Он отвергает абсолютный антагонизм классовой борьбы и разрыв революции. Иначе говоря, он открывает для себя общественную пользу. И немедленно к нему возвращается научная ясность мышления, исторический здравый смысл и политическая проницательность. Бернштейн вступил на путь деидеологизации рабочего движения. У него уже заметны интеллектуальные последствия, сопровождающие выход из этого заколдованного круга. Его глаза раскрываются, его стиль освобождается. Его книга легко дышит. В его письме 1898 года уже сказано все. Он и далее будет развиваться, и с присущим ему талантом, но как идеология осуществляет полное изменение состояния личности, так и освобождение от идеологии приводит к полным и немедленным результатам.

Немецкое рабочее движение слишком массовое, слишком рабочее, чтобы передавать его полномочия группе идеологов и профессиональных конспираторов. Рабочая партия принимает к сведению и осознает серьезность рабочей реалии. В этом Бернштейн не отступает от правоверной социалдемократии Каутского, Розы Люксембург и даже Плеханова. Последний в своей далекой России даже до возникновения рабочего движения уже доверял его способности к самоорганизации и отвергал конспираторское манипулирование.

Но гораздо существеннее то, что бернштейнианство отвергает мир идеологии, и этого правоверные марксисты принять не могли. Ярче всего их отказ выражен в ответе Розы Люксембург Бернштейну:

¹⁴ E. Bernstein, 1974, ctp. 14.

О взглядах Бернштейна немедленно узнали в России. Конечно, можно сказать, что условия для ревизионизма возникают, если не с появлением рабочего движения (в России его еще не было), то с возникновением легальной и разнообразной политической жизни — а она-то уже несколько лет существовала. Другое объяснение, более простое, совсем не связано с этой ситуацией: именно потому, что в России общественная деятельность затруднена, а профсоюзная работа почти не ведется, в социалистических партиях остается много времени для идейных споров. К тому же в их состав входят в основном интеллектуалы. Культурные границы отсутствуют, книги и идеи циркулируют свободно. Престиж немецкой социал-демократии очень высок. Всего этого достаточно для объяснения быстрого распространения идей Бернштейна. К этому надо добавить особенности русского интеллектуального поля. Плеханов отмечал, что даже европеизация нашей буржуазии осуществляется под знаменем марксизма. 17

Порою марксизм играл роль манчестерского утилитаризма, как рационализация энтузиазма начала индустриализации. В своей борьбе с народниками и неославянофилами из министерства внутренних дел кадеты, да и кое-кто из министерства финансов по примеру либералов рассуждали в марксистском духе. Марксизм провозглашал закон минимальной заработной платы и объяснял естественной природой вещей разрыв между богатыми и бедными¹⁸. Более того, у марксизма было то преимущество, что он не был открыто буржуазным, не вытекал из социалистической традиции и делал русского интеллигента причастным к прогрессу, что необходимо и для престижа, и для публикации своих работ.

Но все же в 1899 году редактор социал-демократической программы первого съезда партии Петр Струве, в свою очередь, занялся ревизией Маркса. По правде сказать, он только и ждал удобного случая, поскольку, составляя программу, уже не верил в ортодоксальный марксизм, но считал своим долгом держать свои сомнения при себе. Ревизионизм Струве чисто интеллектуальный 19. Русские искали в марксизме исчерпывающее

¹⁵ К. Рараіоаппои, 1972, стр. 248.

¹⁶ К. Рараіоаппои, 1972, стр. 251.

¹⁷ A. Walicki, 1969, стр. 170.

¹⁸ А. Ulam, 1964, стр. 104. Н. Seton-Watson, 1967, стр. 511.

¹⁹ R. Pipes, 1970, стр. 221 и далее.

и непоколебимое объяснение. Пошатнувшись в одном пункте, оно незамедлительно рухнет все. Струве атаковал Маркса в самом сердце его теории, теории стоимости. Он начинает с замечаний Бем Баверка о противоречиях между первой и третьей книгой «Капитала». В первой книге уровень дохода зависит от соотношения между непостоянным капиталом и общим, поскольку продажная цена и соответственно уровень дохода определяется количеством труда, вложенным в производство. Однако в третьей книге Маркс отказывается от идеи постоянства уровня дохода, который уже не зависит от структуры капитала, и допускает, что продажная цена определяется стоимостью производства, в которой стоимость труда — лишь одна из составляющих. Маркс пытался выкрутиться, утопив точную концепцию стоимости труда в неопределенной концепции труда социально необходимого, но тогда объяснение становится тавтологией. С помощью этой трещины при полном идеологическом соответствии и освободился сначала разум Бернштейна, а затем и Струве. После этого уже было нетрудно разрушить теорию постоянного снижения уровня доходов, пауперизации и, наконец, революции. Струве стал либералом.

Ревизионизм был воспринят Плехановым как предательство. От статей Бернштейна в «Neue Zeit» он заболел²⁰. Его друг Аксельрод был на грани психической депрессии. «Внутренним мотивом моего идеализма и моей социальной деятельности, — писал он, — была идея бесконечного прогресса человеческой природы».

А Бернштейн разрушил его веру! Ревизионизм ставил Плеханова перед возможностью примирения с миром, какой он есть, и перед испарением его трансцендентальности, коммунизма. Более того, ту позицию научного презрения, которую он занимал по отношению к народничеству, ревизионисты обернули против него. Учеными теперь стали Бернштейн и Струве, а он, Плеханов, оказывается смешан с невежами от наивного и суеверного народничества. Переполнило чашу то, что Бернштейн, судя по всему, не признавал за Плехановым того места, которого он был достоин в рядах русской секции Интернационала.

Плеханов не понимал, почему Бернштейна тут же не исключили из партии. Он был ошеломлен тем, что столь почитаемый им Каутский не прислушался к его вполне русским призывам к немедленной расправе. Как дорогой и уважаемый товарищ Каутский только разрешил публикацию этого безобразия? «Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена, и именно потому, что партия — союз свободно согласивших-

ся людей, разделяющих общие идеи. Как только исчезает единство, раскол становится неизбежным»²¹. Действительно, с 1830 года в русском кружке принято делать из доктрины вопрос принадлежности к этому кругу и символ добропорядочности. Вскоре слова Плеханова Ленин обратит против него самого.

Плеханов берется за работу. У меня не хватает смелости представить резюме его трудов: «Бернштейн и материализм», «Кант против Канта или духовное завещание Бернштейна», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм и кантианство», «Первые фразы теории классовой борьбы», «Критика наших критиков» и так далее. 22

Это литература смертельно скучная. В согласии с правоверным каутскианством Плеханов защищает классовую борьбу и необходимость революции. Он стойко держит передовую линию обороны «абсолютного обнищания», одновременно укрепляя во втором эшелоне траншеи «обнищания относительного». К тому же он и философствует.

Бернштейн, вырвавшийся из пут марксистской догматики, порой рассуждал в стиле философов своего времени, в основном неопозитивистов и неокантианцев. Но для него отход от марксизма отнюдь не был переменой вероисповедания. Плеханов, а за ним и Ленин всегда видели в отходе от их идеологии присоединение к другой, противоположной. Но это был не тот случай. Закрыв за собой тяжелую дверь идеологии, Бернштейн изведал иную форму мышления, и если мысль его порой и окрашена духом времени, если он и пользовался неокантианскими и неопозитивистскими оборотами, то это не значит, что он поддерживал с этими доктринами те же отношения, что прежде с марксизмом. Однако те, кого он оставил позади, уже не могли представить себе иного. С инквизиторским пристрастием они тщились обнаружить в его мыслях крупицы противоположной системы, не замечая того, что эти крупицы в систему уже не выстраиваются, поскольку автор покинул сам дух системы.

Но вот за что Плеханов держится всеми своими силами, так это за материализм. По этому поводу он написал обширные труды. «Опыт истории материализма» должен был появиться в «Neue Zeit», но несмотря на обещания Каутского, этого не произошло. Работа вышла в немецком издании в 1896 году. Это обстоятельная история материализма XVIII века (Гольдбах, Гельвеций); похвалив его, автор в самом конце не удержался от упрека в «статичности»: «Метафизический материализм революционен только наполовину». Затем в энгельсовской манере Плеханов показы-

²⁰ S. Baron, 1963, ctp. 172.

 $^{^{21}}$ Г. Плеханов, т. II.

²² Смотри, набравшись храбрости, т. II, Плеханов, 1956.

вает, как Гегель вводит имманентную неизбежность (диалектику): «Метафизический метод французских материалистов по отношению к диалектическому методу немецкого идеализма — это то же, что элементарная математика по отношению к высшей». Историки эпохи Реставрации ищут законы истории. Наконец наступает черед изложения исторического материализма и диалектики Маркса, изложения правоверно социал-демократического. Этот материализм «не механистичен» и «взаимодействие» излагается со всей обстоятельностью. Существует очередность факторов: потребности — производственные силы — производственные отношения — право — политический режим — нравственность. Но во взаимодействии история едина: «Это история социальных отношений, в любой момент обусловленная производственными силами», «То, что именуется идеологией, это многообразное отражение в сознании людей этой единой и неделимой истории». 23

В работе нет ничего оригинального, но написана она безупречно. Автор, безусловно, начитан, но читает он лишь для того, чтобы полнее насладиться достоверностью своих знаний. Всякое новое явление, любое чтение, любая история накапливают новые доказательства. Можно понять изменение его тона, когда Бернштейн пошатнул его веру. Гнев, возмущение, горечь несколько оживляют последние триста страниц книги, где автор обличает вероотступника.

Статья в «Neue Zeit» («Бернштейн и материализм», июль 1898 года) написана под воздействием эмоций. Всколыхнулось сразу все. «Бернштейн долгие годы жил вблизи Энгельса, не понимая его философии», «Маркс и Энгельс были не только философами-материалистами в единой области исторических исследований: они были материалистами и в представлении, которое они составили о взаимоотношении между духом и материей». Следует демонстрация согласия между материализмом Маркса и Энгельса и материализмом Спинозы (!). Единство материалистических воззрений существует у Спинозы, Ла Метгри, Гольдбаха, Дидро. «Я не вижу абсолютно никакой существенной разницы между спинозизмом и материализмом Ла Меттри». Тут мы прикасаемся к тому повороту сознания, когда отворачиваются от философского отношения, чтобы смотреть на мир идеологически. Действительно, загнав весь мир в немудрящие рамки и заперев его там, можно и не увидеть разницы между Спинозой и Ла Меттри. Нет ничего более патетического, нежели приводимое Плехановым доказательство «спинозизма» Маркса и Энгельса. Вот отрывок, в котором звучит и почтение к учителю, и гордость за совершенство собственной европеизации: «В 1889 году... я имел удовольствие вести с ним (Энгельсом) продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы. Однажды зашел у нас разговор о философии. Энгельс резко осуждал то, что Штерн весьма неточным образом называет «натурфилософским материализмом». «Так значит, повашему, — спросил я, — старик Спиноза был прав, говоря, что мысль и протяжение не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» — «Конечно, — ответил Энгельс, — старик Спиноза был вполне прав». ²⁴ Приговор Энгельса кажется Плеханову столь решающим, что он упоминает о двух свидетелях исторической беседы, известном химике Шорлеммере и Аксельроде.

Зачем выстраивать против Бернштейна триста страниц материализма, если поставленный вопрос был политическим: добиться приспособления «катастрофической» фразеологии к реформистской практике? Не найдем ли мы ответа в тех многочисленных пассажах, где Плеханов нападает на Канта и даже на Юма?

По существу, Плеханов не переносит критической позиции. Как идеолог, он всеми силами ее отвергает, поскольку она разрушает ядро абсолютного знания, на котором построена идеология. Он отвергает ее и как революционер, поскольку она разрушает тот успокаивающий детерминизм, который оправдывает революционное действие и уничтожает индивидуальную ответственность, помещая в одни ряд всеобщей предопределенности и материальную природу, и человека. «Кант хотел нас убедить, что категория причинности не может быть применена к вещам в себе». Однако вещи в себе воздействуют на нашу мысль, их верное и проверенное опытом отражение явственно подтверждает единообразие природы и человека. И Плеханов еще раз цитирует дорогого ему Гольдбаха: «Человек — создание природы, он в ней, он подчиняется ее законам, он не может от нее освободиться, не может даже в мыслях оторваться от нее». Этот материализм бесхитростно отождествляет «для себя» технической объективности с «в себе» природных процессов. Так что искусный техник наук естественных приравнивается к искусному технику наук общественных (революционеру), поскольку оба они владеют подлинным конечным знанием («Предметом исследования материалиста является природа и человеческая история»). Марксист, утонченный материалист (ведь диалектик!) способен объяснить даже заблуждения Канта и, что еще важнее, заблуждения Бернштейна и Конрада Шмидта. Вот это объяснение: «Буржуазия заинтересована в воскрешении кантовской философии,

²³ Плеханов, 1956, т. 2, стр. 370.

²⁴ Плеханов, 1956, т. 2, стр. 376.

поскольку надеется, что с ее помощью удастся усыпить пролетариат». Разве не сказал Кант: «Я должен был уничтожить знание, чтобы освободить место для веры»? Кант вливал опиум в рабочее сознание. «Нет, право же, — замечает Плеханов, — буржуазия отнюдь не глупа».

На политический вопрос Плеханов отвечает философией, а точнее на философский вопрос, вызванный политической ситуацией, он вешает замок идеологии. Устранив философские сомнения в надежности системы, он возвращается к политике, дисквалифицировав противника, и отвергает его аргументацию, поместив его в клетку к политически осужденной системе — к буржуазии. Путь Бернштейна от политического освобождения к освобождению разума проделан Плехановым в обратном порядке, и Плеханов, после инквизиторского процесса, отдает Бернштейна в грубые руки «классовой борьбы».

Замкнутый круг идеологической аргументации, в котором, отвергнув возражение, принимаются грызть возражавшего (а очень часто приступают к этому в место того, чтобы опровергать), гораздо совершенней процессов инквизиции. У инквизитора, выявляющего ересь, нет объективной теории для объяснения еретика, коего отсылают к его прародителю Дьяволу, от чьих искушений не защищен никто, даже сам инквизитор. Идеологии, основополагающей по праву, чтобы оставаться таковой, требуется отдавать себе отчет о том новом факте, который являет собой инакомыслящий. Идеология ничего не добилась бы, если бы, помимо любых опровержений, не свела бы на нет сам феномен, исчерпывающе объяснив его так, чтобы в цепи знаний не было ни малейшего изъяна и непрерывность была восстановлена. По завершении операции не должно оставаться ничего, кроме торжествующей идеологии.

Этот метод, блестяще использованный Плехановым (он заслужил этим большую похвалу Ленина), станет по преимуществу большевистским методом. Тем не менее сам Плеханов с большевиками не остался. В 1904 году он стал меньшевиком и, если так можно выразиться, криптокадетом.

Здесь не место восстанавливать богатую ссорами летопись отношений между Плехановым и Лениным. Со стороны Ленина было почтение ученика, со стороны Плеханова — гордость учителя. Ленин оказал женевскому эмигранту неоценимую услугу, подняв его от ранга марксистского философа до куда как более почетного для марксиста ранга руководителя партии²⁵. Но Ленину и в голову не приходило оставить ему руководство. Плеханов, несмотря на трудные периоды и колебания настроений, сотрудничал с Лениным всю эпоху «Искры». «Что делать?» появилось в 1902 году, и Плеханов не высказал возражений. Во время знаменитого съезда в Брюсселе и Лондоне, когда произошел раскол и возник большевизм, Плеханов, хотя и не без колебаний, поддержал Ленина.

Но на следующий 1904 год Плеханов уже держится подальше от нового «Робеспьера», нового «Бонапарта» и нового «Бланки», если пользоваться сравнениями, которые он высказывал когда открыто, когда в частном порядке. Он перечитал еще раз «Что делать?» и обнаружил там ужасные вещи, ускользнувшие от него при первом чтении. В первую очередь он увидел возврат к традициям «Народной воли». Как он сожалел, что не изобличил этого прежде! В том же 1904 году, прежде Троцкого и Розы Люксембург, он высказал свое пророчество:

«Представим себе, что всеми нами признанный Центральный Комитет обладает еще неутвержденным правом «ликвидации». Что произойдет в этом случае? Покуда готовится съезд, ЦК «ликвидирует» все неустраивающие его элементы, заполняет все секции своими ставленниками, без труда добивается вполне покорного себе большинства на съезде. Съезд, состоящий из ставленников ЦК, вежливо кричит «Ура!», утверждает все его действия, как увенчавшиеся успехом, так и безуспешные, и аплодирует всем проектам и начинаниям. Тогда на самом деле не станет в партии ни большинства, ни меньшинства, поскольку нам удастся осуществить мечту персидского шаха!»²⁶

Но в дальнейшем Плеханов далеко не всегда был так тверд. Меньшевики, вместо того, чтобы решительно заявить о своем реформизме, тратили время на доказательство своей революционности. Он пытались убедить в этом и самих себя. И так в это преуспели, что при чтении социалдемократической литературы большевистско-меньшевистский раскол становится совершенно незаметен, до такой степени декларации и тех, и других кажутся выкроенными по одной модели. Это и позволило Уламу заметить, что разница между двумя фракциями может быть выражена одним словом — Ленин²⁷.

Сам Плеханов колебался между двумя лагерями. В 1908 году, в то время, когда он тесно сотрудничал с меньшевиками, один из них (Потресов) в своей статье недостаточно подчеркнул личную роль Плеханова на начальных стадиях социал-демократического движения. Плеханов пригрозил меньшевикам, что перейдет к Ленину и объявит их всех «ликвидаторами». Это привело лишь к дискредитации русских меньшевиков в глазах немецких социал-демократов, ничего не понимавших в русских

²⁵ S. Baron, 1962, crp. 50.

²⁶ S. Baron, 1962, стр. 50. ²⁷ A. Ulam, 1974, стр. 30.

делах, но с уважением относившихся к его славному имени. В 1912 году к недоумению своих друзей Плеханов в большевистской «Правде» обличал «ликвидаторов».

Но еще до того, как в 1914 году его выбросили во мрак беспартийного мира как «оборонца», Плеханов постепенно отдалялся от активной политики, становясь все более похожим на историка и эрудита. Конечно, он всегда оставался революционером. Он продолжал отстаивать теорию двух этапов, буржуазного и пролетарского, в революции. Революция 1905 года не предоставила ему достаточных оснований, чтобы изменить общую схему. Он неустанно напоминал предостережение Энгельса против преждевременного захвата власти — это подвергнет пролетариат большой опасности. Главными союзниками оказываются, таким образом, либеральные течения, активно готовящие буржуазную революцию. А о втором этапе думать еще рано. С другой стороны, в своих исторических работах Плеханов полностью присоединялся к выводам либеральной исторической школы. Несчастье России в том, что гражданское общество постоянно подавлялось деспотическим государством. При Петре Великом европеизация осуществлялась азиатскими методами. Новое время, особенно после отмены крепостного права, предоставляет шанс для развития по европейскому типу. Роль пролетариата в завершении процесса европеизации России и в том, чтобы вырвать ее у восточного деспотизма. Став в конце жизни свидетелем быстрого возврата того же восточного деспотизма при Ленине, он почувствовал угрызения совести и задавался вопросом о собственной ответственности: «Не слишком ли рано мы стали распространять марксизм в отсталой полуазиатской России?»²⁸ И вот уже забрезжило вдали троцкистское оправдание неудачи революции внешними обстоятельствами и неблагоприятным окружением.

Но что связывало их, Плеханова и Ленина, что мешало первому порвать окончательно, а второму полностью проклясть, так это доктрина. Разница в характерах второстепенна. Политические противоречия могли разрешаться с помощью показных компромиссов. Вплоть до первой мировой войны никто не мог открыто порвать с правоверной линией Каутского. Ленин формально соглашался с теорией двух революций.

Разделяло же их внутреннее отношение к доктрине. Плеханов верил в нее безоговорочно, хотя и несколько наивно. Он верил в тождество ценностей и понятий, используемых марксизмом, и ценностей и понятий, широко известных под этими наименованиям. Он не считал, что слова

²⁸ По словам Кусковой, «Давно минувшее», «Новый журнал», LVI. 1958; *S. Baron*, 1962.

«народ», «демократия», «пролетариат» в марксизме означают не то же самое, что слова «народ», «демократия», «пролетариат» в словаре. Он верил во всеобщую ценность марксистской истины. В отличие от Ленина Плеханов никогда не сталкивался вплотную с рабочим классом, не участвовал в забастовках, не возлагал политических надежд на конкретное рабочее движение. Его рабочий класс умозрителен. После своего отъезда за границу он встречался с рабочим классом только в виде его уполномоченных от социал-демократии в котелках и приличных пальто.

Парадоксальным образом именно эта отвлеченность и поддерживает контакт между Плехановым и русской действительностью. Даже его догматизм решительно толкает его к абсолютному доверию этому классу, хотя он его не знает и скорее всего именно поэтому. Этот же догматизм побуждает его отвергать все попытки подменить рабочий класс партией. В процессе серьезного изучения марксизма он усвоил и его «западнические» демократические элементы и часть взглядов Маркса и Энгельса на Россию, очень близких ко взглядам Кюстина и Мишле. Русское государство — идеальная деспотия. Плеханов долго развивает эту тему во «Введении в социальную историю России». Он присоединяется к западническому течению русской историографии, в большинстве своем либеральному: либерально-консервативному в традиции Соловьева, леволиберальному в кругу Милюкова. Это либеральное видение русской истории корректно и в марксистской одежке Плеханова.

Если доктрина образует между Лениным и Плехановым связь, которую никто не может полностью разорвать, то она же составляет и препятствие, которое никто не может полностью преодолеть. Гражданское общество в России должно стать много сильнее государства, прежде чем думать о переходе к социализму, иначе социализм будет новой формой того же азиатского деспотизма. Плеханов и Ленин сходятся в вопросе о двух этапах революции, либерально-буржуазном и пролетарско-социалистическом, но Плеханов гораздо серьезней Ленина относится к ним, поскольку всерьез воспринимает те конкретные изменения, которые либерально-буржуазная революция должна произвести в русском обществе.

Он ждал от нее введения в России буржуазного либерализма, буржуазного экономического развития, созревания рабочего класса, для которого революция является средством. Ленин же целиком и полностью сосредоточился на революции как на цели, для которой вожделения русского населения и его надежды на экономическое развитие представляются темами агитации и пропаганды, то есть политическими средствами. В зависимости от акцента на словах «революция» или «пролетарский и буржуазный» марксизм меняет смысл. Поэтому, старея, Плеханов приходил к

приятию либеральной стороны марксистского наследства. Однако стоит отметить, что эта либеральная сторона неотделима от материализма, тогда как революционность более соприкасается с диалектикой. Этот балласт материализма, философии почтенной, хотя и незначительной, балласт, позволяющий сохранить контакт с реальным миром, и защитил в сильной мере плехановский разум.

Как материалист он верил в экономические силы, в опасность подгонять время, в невозможность идти против объективных сил истории и природы. В момент смерти его материализм обрел почти религиозный оттенок, несколько напоминающий спинозизм, который он проповедовал в своих сражениях с Бернштейном. Он умирал и, увидев слезы на глазах жены, сказал ей: «Вы и я, мы старые революционеры и должны быть стойкими. Да и что такое смерть? Взгляните в окно, видите ту березу, нежно склонившуюся к ели? Может быть и я когда-нибудь превращусь в такую же березу. Разве это плохо?»²⁹

Этот материализм, достаточно приукрашенный нежным чувством, свершается в созерцании сущего мира и поднимается почти до благодати. Полвека материализм служил революционной страсти и оправдывал насильственные действия. У старого Плеханова тот же материализм сдерживал страсти и оправдывал выжидательную позицию и осторожность. Материализм был для него замком на философии, покуда он питал гордыню всеобщего знания, но сил ему не хватило, и осталась от материализма только материя во всем ее величии, а ведь он служил ступенькой для всего того, что этот старый человек действительно был способен сделать в философии.

²⁹ S. Baron, 1963.